Понятие искусственного интеллекта в Российской Федерации впервые официально было закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации, в соответствии с которым искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [2].

На сегодняшний день в научной и правовой доктрине выделяют три модели ИИ: слабый (узкий), сильный и суперинтеллект. Под слабым интеллектом принято понимать программно-аппаратные комплексы, способные решать лишь узкоспециализированные задачи и предназначен для выполнения конкретных задач. Сильный (универсальный, общий) ИИ- Программно-аппаратные комплексы, способные решать множество разнородных задач одновременно. Предполагает, что искусственная система может приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность. Суперсильный ИИ- Гипотетический комплекс, превосходящий интеллектуальные способности человека, способный самостоятельно мыслить, рассуждать, обучаться и воспроизводить сложные эмоции.

Анализ современного состояния развития технологий свидетельствует о том, что все применяемые системы относятся к категории слабого ИИ [3], который функционирует в рамках заранее заданных алгоритмов и не обладает самостоятельной правосубъектностью. Для выполнения более сложных функций правосудия требуется больше интеллектуальных ресурсов [4], которых у слабого ИИ нет.

Последние два вида- «сильный» и «суперсильный» ИИ носят только гипотетический характер, однако однозначно предполагается, что они будут созданы в будущем, в связи с чем перспективы по их использованию рассматриваются многими учеными уже сегодня [5]

Отдельно следует отметить, что в настоящее время уже длительное время функционируют цифровые системы, обеспечивающие электронное взаимодействие участников судебного процесса с судами. К числу таких систем относятся государственная автоматизированная система ГАС «Правосудие», а также информационная система арбитражных судов Картотека арбитражных дел «Мой Арбитр» [6]. Данные цифровые платформы позволяют дистанционно подавать и получать процессуальные документы, отслеживать движение дел, знакомиться с материалами судебных дел, а также участвовать в судебных заседаниях в формате видеоконференц-связи или вебконференции. Фактически речь идет о формировании элементов электронного правосудия, при котором значительная часть процессуальных действий может осуществляться без личного присутствия участников в здании суда.

Важным этапом дальнейшего развития цифровизации судебной системы является реализация проекта Суперсервис «Правосудие онлайн», который в настоящее время функционирует в тестовом режиме в ряде субъектов Российской Федерации. В рамках данного проекта планируется проведение масштабной модернизации программного обеспечения судебного делопроизводства ГАС «Правосудие», включая перевод системы на новую технологическую платформу и последующую эксплуатацию в рамках единой распределённой базы данных. Предполагается, что подобная модернизация позволит существенно повысить уровень автоматизации судебных процедур, обеспечить более эффективную обработку процессуальной информации и ускорить взаимодействие между судами и участниками процесса.

Наряду с государственными цифровыми системами значительную роль в формировании технологической инфраструктуры современного правосудия играют специализированные правовые сервисы, предназначенные для использования профессиональным юридическим сообществом [7]. Одним из таких решений является система «Сутяжник», разработанная в рамках справочно-правовой системы Гарант. Данная программа представляет собой автоматизированного помощника юриста, функциональные возможности которого включают подготовку процессуальных документов (в частности, исковых заявлений и отзывов на них), аналитическую обработку правовой ситуации, составляющей предмет судебного спора, выявление применимых норм права и релевантной судебной практики, а также прогнозирование вероятного исхода судебного разбирательства на основе анализа ранее рассмотренных аналогичных дел.

Подобные цифровые решения ориентированы прежде всего на профессиональное юридическое сообщество и направлены на повышение эффективности оказания юридической помощи, снижение трудоёмкости рутинных операций и оптимизацию деятельности юридических подразделений. К числу широко используемых в Российской Федерации инструментов данного типа относятся, в частности, сервис «Конструктор договоров» справочно-правовой системы КонсультантПлюс, а также модуль «Экспресс-проверка», функционирующий в системе Гарант.

Анализ функционирования указанных цифровых инструментов позволяет сделать вывод о том, что российская судебная система находится на начальном этапе внедрения технологий искусственного интеллекта и связанных с ним цифровых решений. Речь идет не только о переводе судебных процедур в электронный формат, но и о постепенном изменении самого процесса осуществления судебной деятельности. Использование подобных технологий позволяет существенно упростить и в определенной степени автоматизировать судопроизводство, особенно в части обработки процессуальной информации, подготовки документов и анализа судебной практики. Вместе с тем наличие развитых цифровых систем и инструментов, основанных на технологиях слабого искусственного интеллекта, не снимает одной из ключевых проблем современной судебной системы — высокой нагрузки на судей и значительного количества рассматриваемых дел. Существенную долю судебной нагрузки составляют дела приказного производства, которые по своей правовой природе характеризуются высокой степенью формализации и отсутствием как такового спора о праве между сторонами. В подобных категориях дел деятельность суда фактически сводится к проверке соответствия представленных документов установленным законом требованиям, подтверждению наличия бесспорной задолженности и соблюдения процессуальных условий для вынесения судебного приказа. Соответственно, анализ обстоятельств дела носит преимущественно формальный характер и не требует сложной юридической оценки или установления спорных фактических обстоятельств. В связи с этим одним из перспективных направлений развития цифрового правосудия может стать использование технологий искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента при рассмотрении дел приказного производства, что уже внедрятся в мировых судах

[8]. Учены уже давно обращали внимание на возможность заимствования автоматического приказного производства стран Европейского союза, которое можно реализовать через вынесение электронного судебного приказа роботом-судьей. Современный уровень развития цифровых технологий позволяет создать алгоритмы, способные автоматически проверять представленные документы на соответствие установленным требованиям, анализировать данные о задолженности и формировать проект судебного приказа. При отсутствии спора о праве и при наличии стандартных юридических конструкций участие человека в лице судьи в подобных процедурах может быть сведено к функции контроля и окончательного утверждения решения.

Интересный опыт внедрения подобных технологий демонстрирует практика зарубежных государств, в частности Китайской Народной Республики. В Китае активно развивается система так называемых «умных судов», функционирующих на основе интеграции цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта [9]. В рамках данной модели ИИ используется не только для обработки судебной информации, но и для анализа правовых позиций сторон и подготовки проектов судебных решений.

Более того, в ряде случаев технологии искусственного интеллекта используются в Китае в качестве обязательного вспомогательного инструмента при вынесении судебного решения. Судья, рассматривающий дело, параллельно использует систему искусственного интеллекта, которая на основе анализа нормативных актов и судебной практики формирует собственный вариант правового решения. В случае если позиция судьи расходится с предложенным алгоритмом результатом, судья обязан дополнительно обосновать причины принятия иного решения. Подобная практика демонстрирует возможность интеграции искусственного интеллекта в процесс осуществления правосудия в качестве аналитического и вспомогательного инструмента, повышающего уровень обоснованности судебных решений и способствующего обеспечению единообразия судебной практики.

Вместе с тем очевидно, что даже при дальнейшей цифровизации судебной деятельности искусственный интеллект не может рассматриваться как полноценная замена судьи. Его роль заключается прежде всего в оптимизации процедурных процессов, обработке больших массивов информации и автоматизации типовых юридических операций, что позволяет существенно повысить эффективность функционирования судебной системы.

Использование искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере

Применение технологий искусственного интеллекта в уголовно-правовой сфере имеет особое значение, поскольку именно здесь цифровые инструменты способны существенно повысить эффективность предупреждения и раскрытия преступлений. В условиях стремительной цифровизации общества правоохранительные органы сталкиваются с новыми формами преступности, значительная часть которых связана с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи внедрение интеллектуальных цифровых систем становится не просто желательным, а объективно необходимым условием обеспечения общественной безопасности.

Следует отметить, что искусственный интеллект сегодня используется не только государственными структурами, но и преступным сообществом. Современные технологии позволяют преступникам использовать алгоритмы машинного обучения для совершения различных преступлений, прежде всего в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Речь идет о создании и модификации вредоносного программного обеспечения, автоматизации фишинговых атак, генерации поддельных цифровых изображений и голосов, а также сокрытии следов противоправной деятельности с помощью ИИ [10]. Так, с использованием технологий искусственного интеллекта вредоносные программы могут маскироваться путем изменения переменных, внедрения так называемого «мертвого кода», а также применения различных методов шифрования, что значительно затрудняет их обнаружение без использования современных технологий.

Масштабы киберпреступности в Российской Федерации наглядно демонстрируют необходимость активного использования технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Согласно статистическим данным, с января по декабрь 2024 года в России было зарегистрировано около 765,4 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,1 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. В 2025 году наблюдалось определённое снижение данного показателя — количество подобных преступлений уменьшилось на 10,8 % по сравнению с 2024 годом. Однако общий уровень киберпреступности по-прежнему остаётся крайне высоким. Для сравнения, за последние двенадцать лет число киберпреступлений увеличилось почти в 70 раз — с примерно 11 тысяч в 2013 году до более чем 765 тысяч в 2024 году. При этом доля преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, достигла около 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

В этих условиях использование технологий искусственного интеллекта становится важным инструментом противодействия преступности. Одним из направлений такого использования является внедрение искусственного интеллекта в системы видеонаблюдения [11], запускаемые по всему миру. Подобные системы позволяют автоматически анализировать и распознавать лица, после чего оперативно передавать информацию правоохранительным органам. С одной стороны, такие технологии выполняют превентивную функцию, поскольку само наличие интеллектуальных систем наблюдения способно снижать вероятность совершения преступлений. С другой стороны, они существенно повышают эффективность расследования уже совершённых правонарушений, позволяя быстро идентифицировать подозреваемых и восстанавливать хронологию событий.

В Российской Федерации развитие подобных технологий носит пока преимущественно фрагментарный характер. В качестве примера можно привести регулирование отдельных цифровых проектов на региональном уровне, в частности положения Федеральный закон № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 года, предусматривающего эксперимент по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в городе Москве. В рамках данного эксперимента активно используются системы видеонаблюдения, объединенные в одну систему по всему городу, с функцией распознавания лиц, что позволяет существенно повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений. Кроме того, технологии искусственного интеллекта на протяжении многих лет применяются в сфере судебной экспертизы. В настоящее время используются различные системы, применяемые в судебной экспертизе, такие как «ЭВРИКА», «Кортик», «Балэкс» и «Наркоэкс» [12]. С их помощью эксперт осуществляет исследование и оценку вещественных доказательств, анализирует полученные данные и формирует проект экспертного заключения. Вместе с тем данные системы не подменяют деятельность специалиста. В случае возникновения сомнений или получения неоднозначных

рекомендаций эксперт принимает окончательное решение на основе собственных профессиональных знаний, опыта и внутреннего убеждения.

Интересный опыт экспериментального использования алгоритмических систем в сфере обеспечения общественной безопасности демонстрирует зарубежная практика. Показательным примером является проект Palantir, реализованный в городе Новый Орлеан (США) в период с 2012 по 2018 годы [13]. В рамках данной инициативы осуществлялся сбор и агрегирование различных сведений о жителях города, включая данные об их социальных связях, трудовой деятельности, перемещениях, а также цифровой активности в социальных сетях. Несмотря на то, что алгоритмы, по имеющимся данным, корректно идентифицировали до 80 % лиц, впоследствии использовавших огнестрельное оружие, ни одно из предполагаемых преступлений предотвращено не было. Это поставило под сомнение прикладную ценность подобного прогнозирования в условиях правовой неопределённости и отсутствия четких процедур реагирования на полученные алгоритмические прогнозы.

Схожие проблемы возникли и при использовании системы оценки риска рецидива COMPAS, применявшейся в судебной практике ряда штатов США [5]. В процессе её использования было установлено, что при разработке алгоритма были использованы некорректные исходные данные, основанные на стереотипах разработчиков, вследствие чего система демонстрировала значительные искажения в оценке вероятности повторного совершения преступлений. Ситуация осложнялась тем, что компания-разработчик отказалась раскрывать алгоритмическую архитектуру системы, что исключало возможность её независимой проверки экспертным сообществом.

В результате проведённых исследований было установлено, что алгоритм фактически воспроизводит социальные предубеждения, существующие в обществе, вместо того чтобы нивелировать их. Верховный суд штата Висконсин разъяснил, что алгоритмическая оценка риска не может рассматриваться в качестве решающего основания при вынесении судебного решения. Впоследствии использование данной системы было официально приостановлено.

Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовно-правовую сферу требует не только технического совершенствования алгоритмов, но и тщательной правовой, этической регламентации их применения [14]. Только при соблюдении этих условий использование интеллектуальных систем может способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности и одновременно обеспечивать соблюдение фундаментальных принципов правосудия.

Проблемы и правовые риски использования искусственного интеллекта в системе правосудия

Несмотря на очевидные преимущества внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия, их использование неизбежно связано с рядом правовых, организационных и этических проблем. Развитие цифровых инструментов в судебной системе требует не только технологических решений, но и выработки комплексного правового регулирования, способного обеспечить баланс между эффективностью правоприменения и соблюдением фундаментальных принципов правосудия.

В связи быстрым развитием технологий ИИ, его внедрение в качестве субъекта правоприменения, рассматривающего судебные дела, в ближайшем будущем станет реальностью во многих государствах [15]. Соответственно, одной из наиболее дискуссионных проблем внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия является проблема ответственности за ошибки, совершенные ИИ. В традиционной модели правоприменения вопрос субъектности ответственности не вызывает существенных затруднений: судебное решение принимается судьёй как носителем публичной власти, и именно он несёт ответственность за его законность, обоснованность и соответствие требованиям права. Однако в случае использования ИИ в качестве субъекта правоприменения существенно усложняет данную конструкцию.

В условиях использования интеллектуальных технологий формируется целый ряд субъектов, кто может нести ответственность за решения, принимаемые ИИ. К ним могут относиться как сам ИИ, так и разработчики программного обеспечения, специалисты, а также судьи, использующие технологии при принятии решения. При возникновении ошибки, допущенной ИИ, возникает принципиальный вопрос: может ли такая ошибка быть отнесена к юридически значимому поведению какого-либо из указанных субъектов.

С точки зрения принципа презумпции невиновности, закреплённого в уголовном праве, лицо может быть признано виновным лишь при наличии доказанной вины, выраженной в форме умысла либо неосторожности. В этой связи нередко высказывается предположение о возможности возложения ответственности за ошибки искусственного интеллекта на разработчиков соответствующей программы [16]. Однако подобный подход представляется оправданным лишь в том случае, если будет установлено, что система функционировала на основе заведомо некорректных данных, либо в алгоритмы её работы изначально были заложены технические решения, способные повлечь искажение результатов сбора, обработки и анализа данных.

В большинстве же случаев современные системы искусственного интеллекта представляют собой сложные математические модели, функционирующие на основе обработки больших массивов данных и вероятностных алгоритмов. Их деятельность не носит характер самостоятельного юридически значимого поведения, а возникающие ошибки могут быть обусловлены статистическими отклонениями, ограничениями обучающих выборок либо особенностями функционирования самой модели. При отсутствии умышленного создания системы, направленной на предоставление ИИ некорректных решений, квалификация подобных ситуаций как преступной неосторожности или халатности со стороны разработчиков представляется юридически необоснованной.

Фактически признание любой алгоритмической ошибки основанием для привлечения разработчика к юридической ответственности означало бы установление своеобразной «объективной ответственности» за результат функционирования сложных технических систем, что противоречило бы базовым принципам современного права, предполагающим необходимость установления вины субъекта.

В этой связи представляется, что на современном этапе технологического развития вопрос о наделении искусственного интеллекта самостоятельной правовой субъектностью либо о его использовании в качестве полностью автономного субъекта правоприменения (в том числе в роли условного «цифрового судьи» или независимого эксперта) не имеет достаточных теоретических и практических оснований. Искусственный интеллект может выступать исключительно в качестве вспомогательного аналитического инструмента, способствующего повышению эффективности обработки правовой информации, тогда как окончательное решение и связанная с ним юридическая ответственность должны сохраняться за человеком как носителем публичной власти и субъектом правоприменительной деятельности.

Однако даже использование искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента в правоприменительной деятельности порождает ряд правовых вопросов и проблем, требующих нормативного урегулирования и теоретического осмысления.

В первую очередь, это проблема «чёрного ящика» [17]. Современные системы искусственного интеллекта, особенно основанные на технологиях машинного обучения, зачастую функционируют по принципу сложных математических моделей, логика которых не всегда может быть в полной мере объяснена даже разработчиками системы. В условиях судебного разбирательства подобная непрозрачность алгоритмов может вступать в противоречие с принципом мотивированности судебного решения. Участники процесса должны иметь возможность понимать, на каких основаниях принимается то или иное решение, а также оспаривать выводы, положенные в его основу. Если же часть аналитической работы выполняется алгоритмом, логика которого недоступна для проверки, возникает риск снижения доверия к судебной системе.

Отдельного внимания заслуживает проблема прослеживаемости оснований, логики действий алгоритма и алгоритмической предвзятости [18]. Как показывает международная практика, алгоритмы искусственного интеллекта могут воспроизводить и даже усиливать существующие в обществе социальные и статистические искажения. Это связано с тем, что системы машинного обучения обучаются на исторических массивах данных, которые могут содержать определённые предубеждения или дисбалансы. В результате алгоритм, предназначенный для анализа рисков или прогнозирования поведения, может фактически закреплять уже существующие социальные стереотипы. Подобная ситуация представляет серьёзную угрозу принципу равенства всех перед законом и судом.

Как уже было указано ранее, в Китае использование ИИ при вынесении решения является обязательным. С развитием технологий и учетом зарубежного опыта, использование ИИ для принятия решений может стать общепринятым во многих юрисдикциях.

Это поднимает вопрос сохранения независимости судьи при применении технологий искусственного интеллекта в правосудии. В Российской Федерации в основе судебной деятельности лежит принцип независимости (ст. 8 ГПК И УПК РФ, ст. 5.1. АПК РФ), внутреннего убеждения судьи, который формируется на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. В ситуации, когда алгоритмические системы начинают играть значительную роль в формировании правовой позиции, возникает риск того, что судья может фактически оказаться под влиянием рекомендаций цифровых систем. В будущем особенно актуально это может быть в тех случаях, когда алгоритм предлагает статистически наиболее вероятное решение на основе анализа судебной практики.

Соответственно, на наш взгляд, в случае использования ИИ в качестве инструмента для принятия судебных решений, ИИ не должен иметь существенное значение, а может быть использован исключительно как дополнительный источник, которое, может лечь в основу решения, выносимого судьей.

Заключение

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в систему правосудия является важным и необходимым процессом, однако требует осторожного и взвешенного подхода. На сегодняшний день ИИ в правосудии является незаменимой технологией, которая улучшает качество и скорость судопроизводства, повышает уровень защиты общественных интересов. При этом перспективы использования ИИ, исходя из анализа особенностей его работы, не должны выходить за пределы использования ИИ в качестве вспомогательного инструмента. Дальнейшее расширение возможностей ИИ и его внедрение в систему правосудия в качестве субъекта правоприменения наравне с человеком сопряжено с целым рядом вопросов, на которые предстоит ответить. На сегодняшний день, только при условии сохранения ключевой роли человека в данной области и обеспечения прозрачности цифровых систем возможно гармоничное сочетание технологических инноваций и фундаментальных принципов правосудия.

Литература

1. Тримайлов А.Д. Нагрузка на судебную систему: проблемы и решения // Matters of Russian and International Law. 2025, Vol. 15, Is. 7A // DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.079.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10 2019 г. // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Мохат П.М. К вопросу о правосубъектности "электронного лица" // Юридические исследования. 2018. N 4. С. 6.
4. Афанасьев С.В., Кружалова А.В. // Искусственный интеллект в приказном производстве // Вектор юридической науки 2/2025.
5. Балалаева Ю. С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. … канд. .юрид. наук 40.04.01 / Балалаева Ю. С. – Нижний Новгород., 2024. с. 29.
6. Губайдуллина Э.Х., Барабошкина А.А. Искусственный интеллект в судебной деятельности // юридическая наука № 2 2024 [ЮН].
7. Туркаева Л. В., Астамирова Х. Х., Хадуева Я. А. Роль современных информационных технологий в юридической деятельности // Правопорядок. история, теория, практика №2(25)/2020.
8. Волков К.А., Певцова И.Е., Тулиглович М.А. Искусственный интеллект в правосудии: на пересечении права и технологий // Российский судья. 2025. N 9. С. 58 - 61.
9. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. // Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука №8 2022 [ЮН].
10. Осипенко А.Л. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы // ОБЩЕСТВО И ПРАВО 2023 № 4 (86).
11. Андрюшенков Д.Г., Хади Н.М., Ушкова Н.Н., Болотин К.В., Влияние искусственного интеллекта в видеонаблюдении на современную безопасность // Информатика, вычислительная техника и управление // Серия: Естественные и технические науки № 8 август 2023 г.
12. Н.И. Долженко, В.А. Смирных // Современные возможности использования компьютерных технологий в криминалистической экспертизе //International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (87), 2023 // DOI:10.24412/2500-1000-2023-12-1-204-206.
13. Саблинская И. Предсказать преступление: искусственный интеллект учится разыскивать бандитов // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/news/200927 (дата обращения: 21.02.2026 г.) .
14. Кумехова М.Б. Искусственный интеллект в уголовном законе, процессе и праве, его правосубъектность // Право и управление № 10 2024 // DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-324-327.
15. Шундиков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // образование

и право № 8 2023 // DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-315-321.

16. Е. В. Соломонов Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 2. С. 62–71. // DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71.

17. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «Черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник КГУ № 3, 2024 DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.

18. Денис Николаевич Бирюков, Андрей Сергеевич Дудкин. Объяснимость и интерпретируемость — важные аспекты безопасности решений, принимаемых интеллектуальными системами (обзорная статья) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики, 2025, том 25, № 3. doi: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.

The importance and role of artificial intelligence in the development of the justice system

Moskalov Yu.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The relevance of the research topic is обусловлена the rapid development of artificial intelligence technologies and their gradual integration into various spheres of public administration, including the justice system. The digital transformation of the judiciary, the increasing workload of courts, and the growing number of crimes committed using information and telecommunication technologies necessitate the search for new technological solutions aimed at improving the efficiency of law enforcement activities.

The article examines the significance and role of artificial intelligence in the development of the modern justice system. Particular attention is paid to the use of digital technologies in civil and arbitration proceedings in the Russian Federation, including electronic judicial services and legal information systems that facilitate the automation of certain procedural activities. The study also analyzes the prospects for the application of artificial intelligence in order proceedings, which are characterized by a high degree of formalization.

In addition, the paper explores the possibilities of using artificial intelligence in the criminal law sphere, particularly in the prevention and detection of crimes, as well as the role of intelligent systems in forensic activities and judicial expertise. The research identifies the main legal challenges associated with the implementation of artificial intelligence in the justice system, including issues of liability for algorithmic errors, transparency of algorithms, and compliance with fundamental principles of justice.

The study concludes that, at the current stage of technological development, artificial intelligence should primarily be considered as an auxiliary tool aimed at increasing the efficiency of judicial activity, while the final responsibility for legally significant decisions must remain with human actors exercising public authority.

Keywords: artificial intelligence, justice system, digitalization of the judiciary, law enforcement, e-justice, judicial activity, cybercrime, algorithmic systems.

References

1. Trimailov A.D. The Burden on the Judicial System: Problems and Solutions // Matters of Russian and International Law. 2025, Vol. 15, Issue 7A // DOI: 10.34670/AR.2025.38.48.079.
2. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030. Approved. by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Article 5700.
3. Morkhat P.M. On the Issue of the Legal Capacity of an "Electronic Person" // Legal Research. 2018. No. 4. P. 6.
4. Afanasyev S.V., Kruzhalova A.V. // Artificial Intelligence in Writ Proceedings // Vector of Legal Science 2/2025.
5. Balalaeva Yu. S. Theoretical problems of legal regulation of the use of artificial intelligence in the legal sphere: dis. ...cand. .legal Sciences 40.04.01 / Balalaeva Yu. S. – Nizhny Novgorod., 2024. p. 29.
6. Gubaidullina E.Kh., Baraboshkina A.A. Artificial intelligence in judicial activities // legal science No. 2 2024 [YUN].
7. Turkaeva L. V., Astamirova Kh. Kh., Khadueva Ya. A. The role of modern information technologies in legal activities // Law and order. history, theory, practice No. 2(25)/2020.
8. Volkov K.A., Pevtsova I.E., Tuliglovich M.A. Artificial Intelligence in Justice: At the Intersection of Law and Technology // Russian Judge. 2025. No. 9. pp. 58-61.
9. Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva L.S., Palamarchuk S.A. // Informatization of the Chinese Judicial System // Legal Science No. 8 2022 [UN].
10. Osipenko A.L. Artificial Intelligence Technologies in Criminal Activity: New Threats and Challenges // SOCIETY AND LAW 2023 No. 4 (86).
11. Andryushenkov D.G., Khadi N.M., Ushkova N.N., Bolotin K.V., The Impact of Artificial Intelligence in Video Surveillance on Modern Security // Computer Science, Computing and Control // Series: Natural and Technical Sciences No. 8, August 2023
12. N.I. Dolzhenko, V.A. Smirnykh // Modern Possibilities of Using Computer Technologies in Forensic Examination // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (87), 2023 // DOI: 10.24412/2500-1000-2023-12-1-204-206.
13. Sablinskaya I. Predicting Crime: Artificial Intelligence Learns to Spot Bandits // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/news/200927 (date of access: 21.02.2026).
14. Kumekhova M.B. Artificial Intelligence in Criminal Law, Procedure and Law, Its Legal Capacity // Law and Management No. 10 2024 // DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-324-327.
15. Shundikov K.V. Artificial Intelligence in Russian Justice: Status and Prospects // Education and Law No. 8 2023 // DOI: 10.24412/2076-1503-2023-8-315-321.
16. E.V. Solomonov Legal Liability of Artificial Intelligence // Bulletin of Omsk University. Law Series. 2025. Vol. 22, No. 2. Pp. 62–71. // DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).62-71.
17. Golovin, K.S. The Need for Legal Regulation of the “Black Box” of Artificial Intelligence // KSU Bulletin, No. 3, 2024. DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.
18. Denis Nikolaevich Biryukov, Andrey Sergeevich Dudkin. Explainability and interpretability are important aspects of the security of decisions made by intelligent systems (review article) // Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics, 2025, Vol. 25, No. 3. doi: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.

Конституционно-правовая регламентация установления и изменения границ между субъектами Российской Федерации: пробелы и пути совершенствования

Сангаджиев Эрдни Бадмаевич
ассистент кафедры уголовного права и процесса факультета управления и права, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова

Исследование посвящено анализу конституционно-правовых основ процедуры установления и изменения границ между субъектами Российской Федерации.
Выявлены существенные пробелы и коллизии в действующем законодательстве, в частности отсутствие федерального закона, комплексно регулирующего данные процедуры, и неопределенность понятия «граница субъекта РФ».
Обоснована необходимость устранения данных недостатков для обеспечения стабильности федеративных отношений, предотвращения территориальных споров и успешной интеграции новых субъектов РФ – Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей.
Предложен механизм разрешения спорных вопросов через создание специальных комиссий с последующей законодательной инициативой.
Ключевые слова: Российская Федерация; федерализм; территориальное устройство; субъект Российской Федерации; граница субъекта; установление границы; изменение границы; правовые пробелы; законодательное регулирование; новые субъекты РФ; интеграция.

Введение

Вопросы территориального устройства и четкого разграничения пространственных пределов публичной власти остаются фундаментальными для любого государства, особенно федеративного.

Они напрямую влияют на стабильность социально-экономического развития, обеспечение национальной безопасности и эффективность распределения полномочий между центром и регионами [6, с. 15].

Принцип территориальной целостности, закрепленный в международном праве (п. 4 ст. 2 Устава ООН [8], Декларация об укреплении международной безопасности 1970 г. [9]) и национальном законодательстве (ч. 3 ст. 4 Конституции РФ [10]), является краеугольным камнем российской государственности.

Актуальность исследования обусловлена текущими процессами реформирования системы публичной власти в России (Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [11]), интеграцией новых субъектов Федерации (ЛНР, ДНР, Херсонская, Запорожская области) и выявленными пробелами в правовом регулировании установления и изменения межсубъектных границ, что создает риски возникновения территориальных споров и затрудняет процессы интеграции.

Российская Федерация, как установлено ст. 1 и ст. 5 Конституции РФ [10], является федеративным государством, состоящим из равноправных субъектов (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов).

Согласно п. 1 ст. 67 Конституции РФ [10], территория РФ включает территории ее субъектов, внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними. Однако ключевая проблема, на которую справедливо указывает И.А. Старостина, заключается в том, что действующее законодательство РФ не содержит легального определения понятия «граница субъекта Российской Федерации» [6, с. 78].

Эта терминологическая неопределенность порождает практические трудности при разрешении вопросов разграничения территорий, особенно в условиях отсутствия исторически сложившихся или документально четко зафиксированных линий раздела между некоторыми субъектами.

Пункт 3 ст. 67 Конституции РФ устанавливает основной принцип: изменение границ между субъектами Федерации возможно только по их взаимному согласию. Утверждение такого изменения отнесено к ведению Совета Федерации Федерального Собрания РФ (п. 1(а) ст. 102 Конституции РФ). Процедура утверждения детализирована в Регламенте Совета Федерации (ст. 144-147 Постановления СФ от 30.01.2002 № 33-СФ [15]).

В истории нашей страны имеются несколько случаев утверждения Советом Федерации изменения границ между субъектами Центрального и Дальневосточного федеральных округов, а также границ города федерального значения Санкт-Петербурга (напр., Постановления СФ: от 03.02.1994 № 38-1 СФ [16], от 25.10.1994 № 236-1 СФ [17], от 02.02.2007 № 30-СФ [18], от 13.07.2011 № 347-СФ [19], от 25.12.2014 № 730-СФ [20], от 11.02.2022 № 16-СФ [21], от 23.06.2021 № 426-СФ [22]).

В тоже время возникает правовая коллизия. Согласно пп. 6 п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской